

**СЕРГЕЙ
КРЕМЛЁВ**

**МИФЫ
о 1945
ГОДЕ**

Мифы Великой Отечественной

Сергей Кремлев

Мифы о 1945 годе

«Яуза»

2010

Кремлев С.

Мифы о 1945 годе / С. Кремлев — «Яуза», 2010 — (Мифы Великой Отечественной)

Новая книга ведущего историка патриотических сил. Святая правда о Великой Победе советского народа во Второй Мировой войне. Опровержение самых злобных, лживых и одиозных мифов о 1945 годе – о «бездарном советском командовании» и «неоправданных потерях» при штурме Зееловских высот, о власовцах, якобы «освободивших Прагу», и «изнасилованной Красной Армией Германии», об «агрессивном Сталине», мечтавшем захватить всю Европу, и «гуманных» союзниках, спасших мир от «большевистского ига», и т. п. «Враги России хотят сменить величественный образ русского солдата, все еще стоящего в Трептов-парке со спасенной им немецкой девочкой на руках, на образ грязного душой и телом азиата, насилующего женщин и набивающего свой «сидор» всем, что под руку подвернется, не только для исторических фальсификаций, но и на потребу завтрашнего дня. Перед тем как уничтожить Россию, ее надо оплевать...» Но пока в нас жива память о Священной войне и ее героях, пока мы гордимся своими дедами, сломавшими хребет фашизму, чтим их Знамя и преклоняемся перед их подвигом – мы непобедимы.

© Кремлев С., 2010

© Яуза, 2010

Содержание

Вместо эпиграфа	5
Вместо предисловия...	6
1945 год: «информация к размышлению»	11
Скрытая правда 1945 года	14
О якобы слабой и деморализованной Германии образца 1945 года и ударе в Арденнах	18
Об экономике Рейха, якобы разгромленной союзниками с воздуха	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Сергей Кремлёв

Мифы о 1945 году

Вместо эпитафии

Они победили. А мы проиграли.
Они победили. А мы уступили.
Мы Родину любим сегодня едва ли.
Они же – любили. Поэтому – в силе!

Поэтому – в Звездах, поэтому – в славе,
И вьётся поэтому Знамя Победы.
Они сохранили величье Державе,
А мы обеспечили Родине беды.

Они над Европою гордо летели,
Мы нынче за нею ползём еле-еле.
Они замышляли великие цели,
А мы проморгали и то, что имели.

Их Сталин приветствовал как победитель
Спокойной улыбкой своей с Мавзолея,
Сейчас, что ни глянь, то Страны погубитель,
И не разобрать – кто гнусней и подлее?

Над ними алело Победное Знамя!
Над нами облезлая «курица» машет...
Мы, сёстры и братья, повинны в том сами.
И, значит, Победа пока что – не наша.

Она нынче – с ними, в том сталинском мае,
Когда лишь петлёй награждали Иуду.
Они – создавали. Мы – только ломаем.
И только бесславье – удел наш. Покуда.

23. 04. 98 г.

Вместо предисловия...

МИФЫ 45-го года? Можно ли говорить о них? Существуют ли они? 1945 год – время не поражений, а побед и Победы, и уже поэтому 45-й год должен быть для всех достаточно «прозрачным». Ведь обычно скрывают то, о чём не хочется говорить – горькое или позорное. И тогда возникают слухи и мифы. А радость, казалось бы, – всегда на поверхности.

Однако сегодня радостный год нашей Победы тоже оброс подлыми сплетнями. Европу якобы освободили янки, а русские якобы изнасиловали пол-Германии... Сталин якобы уничтожил «свободную Польшу»... Прагу якобы освободили «власовцы»... СССР объявил войну Японии якобы в нарушение Пакта о нейтралитете...

Да, вокруг победного 1945 года за последние десятилетия наслоились различные мифы – с одной стороны.

С другой стороны – всё ли мы о нём знаем, так ли уж хорошо представляем его – победный 1945 год? Ведь далеко не всегда точны даже те, кто вполне заслуживает и нашего уважения, и нашего доверия.

В 1977 году перед личным составом в/ч 15654 выступал – привожу этот случай по памяти, так что в чём-то относительно гостя той серьёзной войсковой части могу и ошибиться – кандидат юридических наук, первый прокурор Берлина Николай Михайлович Котляр.

С мая 1945 года прошло более тридцати лет – срок немалый и для страны, и для отдельного человека, тем более – человека не первой молодости уже в 1945 году. Однако полковник (или подполковник, уж не упомню – с той поры тоже ведь прошло более тридцати лет) юстиции Котляр выглядел молодо, был прекрасным рассказчиком, располагающим к себе всем своим обликом, интонациями и сутью рассказа.

Я и сейчас вспоминаю о нём с теплотой, и тогда же записал кое-что так, как это мне запомнилось.

Не отвечая за стенографическую точность, привожу ту давнюю запись в книге о 1945 годе:

Подписание Акта о безоговорочной капитуляции ожидалось в 15.00. Перед дворцом – огромная толпа. Женщины, солдаты, офицеры, генералы – ждут. В 12-м часу я попал в зал вместе с журналистами. В центре стол буквой «П» и ещё один маленький столик.

Все голодны (боялись пропустить), но мысль одна – что-то не получилось. Вот войдёт Жуков и скажет: «Генералы, офицеры, по местам! Война продолжается».

У стола – большая группа генералов (Вышинский распорядился ниже генерал-лейтенантов никого не пускать). В 15.00 плюс одна минута открывается боковая дверь и входит Жуков. Лицо угрюмое-угрюмое. Ну, так и есть!

Прошёл, сел за стол, молча сидит. Все думали – почему так долго молчит? На следующий день его спросили: «Почему Вы так долго молчали, маршал?» И он ответил: «Долго? Мне кажется – нет. Я просто хотел отдышаться». И действительно, диктофоны зафиксировали – примерно минуту он молчал. А всем показалось – с полчаса.

Сели англичане, американцы, французы. Сидит Вышинский, а за ним его корпус – 16 наших дипломатов.

Жуков командует: «Ввести немецкую делегацию». Мне стало интересно – ну, кто же встретит этих фельдмаршалов и гросс-адмиралов? По законам

военной этики – генерал, не меньше. Ну, с учётом того, что было, – полковник. Ну, с учётом того, что фашисты – майора хватит, но – старший офицер.

Входит Кейтель с высокоподнятым маршальским жезлом, гордо. За ним – другие. С двух сторон к ним устремляются два младших лейтенанта! Гимнастёрки – девственно темны. И довольно непочтительно указывают, куда пройти.

Когда Кейтель понял, что это его встречают, – живыми бы лейтенантов съел! Подошёл и швырнул жезл на стол. Не обращая внимания на эту истерику, Жуков спокойно, очень спокойно: «Готова ли немецкая делегация к подписанию Акта о безоговорочной капитуляции?»

Кейтель и другие сидели и молчали. Кейтель наклонился к Штумпфу (*генерал-полковник, член немецкой делегации. – С.К.*) и что-то тихо зашептал. Опять пик напряжённости – о чем говорят? И тут Жуков – а голос у него командный, дай бог каждому, как стукнет кулаком: «Я вас спрашиваю, вы готовы подписать Акт о безоговорочной капитуляции?» Кейтель съёжился, дрогнул и, когда ему перевели, очень робко сказал «Jawol».

На следующий день у Жукова спросили: «Почему Вы взорвались, маршал?» И Жуков ответил: «Ну как же! Тут такое дело, конец трагедии, а они вдруг шепчутся. Может, отказываться собираются, сволочи!»

Итак, момент подписания наступил. Вышинский поворачивается к своим ребятам и долго всматривается в них, как будто плохо знает. А затем манит к себе самого молодого: «Идите сюда, товарищ Петров». И достает завёрнутую в бумажку обычную ученическую ручку с пером за 2 копейки. Из другого кармана достает завёрнутую в розовую бумажку чернильницу-невывлашку и подаёт Петрову.

Стол и два расшатанных, как в плохой КЭЧ (*квартирно-эксплуатационной части. – С.К.*), стула – для немцев...»

На этом мои тогдашние записи обрываются.

Привёл же их вот почему. Тогда мы, молодые ребята, слушали Николая Михайловича взахлёб, с горящими глазами, что было вполне понятно. Но сейчас, зная многое и многое повидав, в том числе – и кинохронику о том дне, я понимаю, что, пожалуй, не все детали этого дня, сообщённые Николаем Михайловичем, имели место быть.

Так, сколько я ни всматривался в фото и кинокадры, запечатлевшие маршала Жукова и Кейтеля в момент подписания Акта о безоговорочной капитуляции, ни чернильницы-невывлашки, ни ученической ручки в руке у Кейтеля я не заметил. Собственно, Акт о капитуляции он подписывал, скорее всего, авторучкой. И надо полагать – своей. Хотя сидел он действительно за отдельным небольшим столом.

Да и сама церемония подписания началась не в три часа дня, а в полночь с 8 на 9 мая и закончилась в 0 часов 43 минуты 9 мая 1945 года.

То есть в рассказе не просто современника событий, но их прямого свидетеля, да и не просто свидетеля, а человека с профессионально повышенной наблюдательностью, реальность переплелась с тем, чего не было, однако трансформировалось в душе рассказчика в нечто бывшее.

Итак, полковник Котляр был точен далеко не во всём, но можно ли назвать его рассказ мифом? Опасны ли неточности его рассказа для верного понимания потомками исторической ситуации 1945 года и атмосферы той эпохи?

Нет, конечно! Для **данного конкретного случая** опасности серьёзного, принципиального искажения исторической истины нет. Если Кейтель обмакивал не школьное, а дорогое канцелярское перо в чернильницу массивного бронзового письменного прибора, а не в учени-

ческую невыливашку, или даже вообще ничего никуда не обмакивал, а писал «вечным» пером, принципиальных искажений в историю рассказ советского военного юриста не вносит.

Напротив, если его рассказ не во всём формально достоверен в ряде мелких деталей, он абсолютно достоверен в психологическом отношении и должен быть интересен для нас не менее, чем кадры кинохроники.

А вот можно ли считать всего лишь неточностью нынешние утверждения о том, что воины Красной Армии, войдя на территорию Германии, якобы изнасиловали два миллиона (!) немецких женщин? В подтверждение этого заявления сегодня публикуются фотографии растерзанных жертв, их рассказы и прочее тому подобное.

Я отнюдь не склонен утверждать, что эти фото и рассказы – фальшивки. Они формально историчны, однако историческую истину искажают злостно.

Мы об этом в своём месте поговорим.

Причём в *этом* конкретном случае истина искажается не только злостно, но и целенаправленно. И суть тут не в желании задним числом дезавуировать советского Воина-Освободителя в глазах народов и, прежде всего, – европейских народов, а особенно в глазах ведущего народа Европы – немецкого.

Точнее, суть – не только в этом желании.

Сменить величественный образ русского солдата, всё ещё стоящего в Трептов-парке с немецкой девочкой, спасённой им, на образ грязного душой и телом азиата, насилующего направо и налево женщин и набивающего свой «сидор» всем, что под руку попадётся, необходимо не только для исторических фальсификаций, но и на потребу *завтрашнего* дня.

И, пожалуй, второе важнее первого.

Ну в самом-то деле! Окончательно уничтожить великий народ с великими культурными и историческими заслугами перед человечеством – это одно.

И совсем другое – избавить мировое *цивилизованное* сообщество от логически выродившихся потомков «диких большевистских орд», которые если и победили лучшую в мире амери... пардон – немецкую, армию, то только потому, что эти, не ценящие ни свою, ни тем более чужую жизнь недочеловеки завалили своими трупами все окопы и траншеи врага и только поэтому смогли дойти до Берлина.

Сегодня в Европе, да и в «России» кое-кто тоже говорит, что русские «варвары» просто задавили тёмной массой изнемогший под их тяжестью Рейх. А потом, мол, эти «дикари» Германию и Европу разграбили и изнасиловали.

«Вот что представляли из себя русские, и так изначально жестокие и невежественные, а к тому же ещё и приученные к тотальному насилию кровавым людоедом Сталиным», – такова подоплёка рассказней о якобы тотально изнасилованных в 1945 году немках.

Уничтожить подобную злодейскую, а на деле – злодейски мифологизированную, Россию для якобы *цивилизованных* народов не только допустимо, но и необходимо.

И не имеет значения уничтожить чем – ядерным или высокоточным оружием, бомбами умело оплаченных террористов, умело оплаченными действиями ренегатов или генетически модифицированными продуктами.

Для будущего оправдания любого насилия над Россией и понадобилось через шестьдесят лет после 1945 года вытаскивать к телекамерам древних изнасилованных и якобы изнасилованных бабушек и забивать сознание новых поколений европейцев «навозными кучами» старых фотографий.

Перед тем как уничтожить Россию, её надо оплевать.

А мы всё развешиваем уши и распускаем слюни вместо того, чтобы противодействовать этой лжи. Интересно – долго ли ещё будет продолжаться это «толстовство» в путинско-медведевском исполнении?

Свою книгу я начинаю в конце года, предшествующего 65-летнему Юбилею Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов над немецко-фашистскими захватчиками. И, пожалуй, её более верно было бы назвать «Мифы и правда о 1945 году», но правда о том великом годе в истории России так многообразна и масштабна, что подобное обобщающее название наложило бы на автора слишком уж большие и вряд ли выполнимые обязательства.

Вся правда о том великом годе может быть сказана лишь в результате серьёзной коллективной работы на государственном уровне. Однако ничего подобного к нынешнему Юбилею на этом уровне сделано, конечно же, не будет. Очень уж – на фоне *всей* правды о двенадцати месяцах 1945 года, об огромной державной работе Сталина и его соратников в том году – окажется ничтожной и мерзостной правда о нынешних «деяниях» «россиянского» «общества».

Моя задача – скромнее. Я всего лишь скажу – как сумею – о некоторых примечательных фактах и событиях 1945 года, начавшегося с нарастающего краха англосаксонских войск в ходе немецкого контрнаступления на Западе в январе и закончившегося освобождением Лаврентия Павловича Берии 29 декабря 1945 года от обязанностей наркома внутренних дел СССР в связи с его назначением куратором Атомной проблемы.

Между этими двумя, хотя и разнополюсными, но одинаково принадлежащими году Победы событиями произошло множество других событий: разгром вермахта в Восточной Пруссии; освобождение Варшавы и Праги; перевод из эвакуации на старые места расквартирования советских военных офицерских училищ; мартовский меморандум физика Лео Сцилларда президенту Рузвельту; гибель генерала Черняховского, взятие Вены; штурм Берлина; пленение бывшего генерала Власова; смерть кандидата в члены Политбюро Александра Щербакова; Ялтинская и Потсдамская конференции; капитуляция Германии и Японии; смерть Рузвельта; отставка Черчилля; третьи Геройские Звёзды Александра Покрышкина, Георгия Жукова и, наконец, Ивана Кожедуба; Парад Победы на Красной площади; атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки; феноменальный наш танковый бросок через Большой Хинган и разгром японской Квантунской армии; образование советского атомного Специального комитета; освобождение после фильтрационных проверок на Лубянке ряда советских генералов, попавших в плен...

Всё это – 1945 год.

Я не смогу рассказать – даже кратко – о многом, мной же выше упомянутом и, тем более, о не упомянутом. Однако кое о чём, заслуживающем, надеюсь, внимания читателя, я всё же скажу. Ведь порой широко известные факты начала 1945 года нередко оказываются «фактами» в кавычках, тоже обросшими разного рода мифами.

Я имею в виду, между прочим, и знаменитые «семнадцать мгновений весны», в ходе которых в «роли» Штирлица выступал не мифический Максим Максимович Исаев, а реальный посол США в Москве Аверелл Гарриман.

При этом мой, хотя и фрагментарный, рассказ относится не только к первым пяти военным месяцам 1945 года, завершившим войну в Европе, и к неполному месяцу войны СССР с Японией, но вообще ко всему 1945 году.

Ведь события после 9 мая 1945 года вытекали из событий, предшествовавших Победе, и были нередко связаны с ними прямо, как, например, всё, что относится к атомным исследованиям в США и в СССР.

С другой стороны, в 1945 году получил своё завершение ряд событий и процессов, начавшихся ещё в 1944 году. Так, вряд ли можно говорить об освобождении Варшавы в январе 1945 года, ничего не сказав о причинах отказа Советского Главнокомандования от этой операции летом и осенью 1944 года.

Поэтому иногда – нечасто – мой рассказ выходит за временные рамки последнего года войны и первого года мира.

Надеюсь, читатель меня за это простит.

*5 декабря 2009 года,
18 часов 05 минут*

1945 год: «информация к размышлению»

СОВЕТСКИЙ бестселлер «Семнадцать мгновений весны», по которому поставлен намного лучший, чем книга, телесериал, дал нам удачное выражение «информация к размышлению».

Думаю, мне тоже не помешает дать читателю хотя бы краткую общую «информацию к размышлению» о 1945 году перед тем, как говорить о чём-то конкретном – мифологизированном или реальном.

Итак, 1945 год...

На важнейшем театре его военных действий – Европейском он начался с того же, чем закончился: с ударов вермахта по англо-американцам, начало которым положило контрнаступление вермахта 16 декабря 1944 года в Арденнах. Союзники, имея огромный перевес в наземной технике, не говоря уже об авиации, отступали и, чего доброго, могли докатиться до второго Дюнкерка.

Красная Армия, взяв стратегическую паузу, готовилась к тяжелейшим боям завершающего года войны.

12 января 1945 года началась Висло-Одерская наступательная операция, которая завершилась 3 февраля. 13 января началась Восточно-Пруская наступательная операция, которая завершилась 25 апреля 1945 года.

Впереди были Балатонская оборонительная операция, Венская наступательная операция и Берлинская наступательная операция.

Позади, в 1944 году, остались капитуляция Румынии и Финляндии, вступление советских войск в Болгарию, объявление – 28 декабря 1944 года – Временным национальным правительством Венгрии войны Германии...

Впереди было освобождение Варшавы и Праги.

Висло-Одерская операция 1-го Белорусского фронта под командованием маршала Жукова и 1-го Украинского фронта под командованием маршала Конева началась существенно раньше, чем предполагалось. Это решение Сталина было вызвано просьбами Черчилля и Рузвельта о помощи союзникам, терпящим крах в районе Арденн.

Операция проводилась во взаимодействии со 2-м и 3-м Белорусскими и 4-м Украинским фронтами под командованием маршала Рокоссовского, генерала армии Черняховского и генерала Петрова и стала частью общего стратегического наступления Красной Армии на 1200-километровом фронте с задачей открыть путь к реке Одер на Берлинском направлении.

1-й Украинский фронт уже в первый день наступления взломал глубоко эшелонированную оборону противника, к исходу третьего дня разгромил его оперативные резервы, к 18 января завязал бои на подступах к Кракову, а 23–28 января вышел к Одере и с ходу захватил плацдармы севернее и южнее Бреслау (Вроцлава).

Две мощные ударные группировки 1-го Белорусского фронта вышли главными силами к Одере в начале февраля.

17 января 1945 года была освобождена Варшава.

Затем 1-й Белорусский и 2-й Белорусский фронты перешли к развитию успеха, 24 февраля начав Восточно-Померанскую операцию в Поморье.

Прорвав Померанский оборонительный «вал», мы 5 марта вышли к Балтийскому морю, 28 марта заняли Гдыню, а 30 марта – Данциг (Гданьск).

Очистив Померанию, можно было приступить к подготовке Берлинской операции.

Восточно-Пруская операция началась на день позже Висло-Одерской и продолжалась почти до конца апреля, закончившись 25-го числа. Её успех обеспечил наступление на Берлин с северо-востока, а острие было направлено на Кенигсберг – нынешний русский Калининград.

Кенигсбергская операция фактически стала завершающей частью Восточно-Прусской операции. В ночь с 9 на 10 апреля в плен сдались остатки сильнейшего Кенигсбергского гарнизона во главе с комендантом генералом Лошем – около 50 тысяч солдат и офицеров.

25 апреля 1945 года был взят Пиллау – ныне русский Балтийск.

К этому времени давно была ликвидирована опасность для Красной Армии, возникшая в начале марта в Венгрии – в районе озера Балатон. О Балатонской операции – единственной оборонительной операции Красной Армии в 1945 году – всегда писали мало. Оборонительная ведь, не наступательная. Но в этой операции доблесть и воинская выучка наших войск сказались не менее, а может быть, и даже более, чем в наступательных операциях.

Впрочем, подробнее об этом будет сказано позднее.

Успех в Балатонской операции подготовил базу для Венской операции, длившейся с 16 марта по 13 апреля 1945 года.

Венскую операцию проводили силы 2-го Украинского фронта под командованием маршала Малиновского и 3-го Украинского фронта под командованием маршала Толбухина. В её результате советские войска очистили западную часть Венгрии, к 7 апреля вышли на подступы к столице Австрии Вене и 13 апреля штурмом овладели ей.

Впрочем, бои за Австрию были хотя и упорными, но потери в них были далеко не так велики, как те, которые советские войска несли в самой Германии. Особенно – на Берлинском направлении. Всего в боях за Австрию погибло 26 тысяч советских воинов.

За каждой из смертей на войне – трагедия, ведь на войне чаще всего массово гибнут люди во цвете лет. Но «австрийская» цифра несравнима с нашими потерями в собственно Германии, где напряжение борьбы было неизмеримо большим.

Берлинская наступательная операция началась 16 апреля 1945 года и закончилась фактически с окончанием войны – 8 мая. На Берлин наступали войска 1-го Белорусского фронта под командованием маршала Жукова, 2-го Белорусского фронта под командованием маршала Рокоссовского и 1-го Украинского фронта под командованием маршала Конева.

В 14 часов 25 минут 30 апреля 1945 года над рейхстагом было поднято Знамя Победы.

1 мая 1945 года над рейхстагом на малой высоте прошли две восьмёрки истребителей под командованием Героя Советского Союза полковника А.В.Ворожейкина и сбросили на парашютах два огромных красных полотнища с надписями на одном: «Да здравствует 1 Мая!» и на втором: «Победа».

Победа!

А 2 мая 1945 года Берлинский гарнизон официально капитулировал.

Пушки умолкали, начиналась пора дипломатии. Ещё на фоне зимних военных батальи состоялась первая крупная дипломатическая битва 1945 года – с 4 по 11 февраля близ Ялты в Ливадийском дворце прошла Крымская конференция Сталина, Рузвельта и Черчилля при участии министров иностранных дел и начальников штабов.

Вторая подобная «битва» уже после окончания войны произошла летом 1945 года на территории Германии, в берлинском пригороде Потсдаме во дворце Цецилиенхоф – с 17 июля по 2 августа. Вопросы послевоенного устройства мира там обсуждали Сталин, новый президент США Гарри Трумэн и уже висевший на волоске английский премьер-тори Черчилль, которого 28 июля сменил лейборист Эттли.

Впрочем, Трумэн и Черчилль ещё успели провести совместный «атомный» зондаж Сталина, очень смахивавший на шантаж. 16 июля 1945 года на полигоне Аламогордо в штате Нью-Мексико была успешно испытана первая атомная бомба «Trinity» («Троица») мощностью в 21 тысячу тонн тротила, и обрадованный Трумэн сообщил Сталину о том, что США «получили новое оружие необыкновенной разрушительной силы».

Черчилль в это время наблюдал за реакцией Сталина, но тот отнёсся к новости равнодушно, из чего два англосакса сделали вывод о том, что русским до их собственной бомбы далеко – если они вообще что-либо знают о её возможностях.

Насколько этот вывод был верен, у нас будет время поговорить позднее.

6 августа 1945 года в 8 часов 16 минут 2 секунды по местному времени главный «атомный» секрет перестал быть секретом – над Хиросимой была взорвана урановая бомба «Little Boy» («Мальш»).

9 августа плутониевая бомба «Fat man» («Толстяк» – в честь Черчилля) испепелила Нагасаки.

В это время советские войска уже вели боевые действия против Японии. 2 сентября 1945 года на борту американского линкора «Миссури» был подписан Акт о капитуляции Японии. В Москве же состоялось первое заседание советского «атомного» Специального комитета при Совете Народных Комиссаров СССР под председательством Лаврентия Павловича Берии.

В Вашингтоне подсчитывали барыши, в Лондоне и Париже – дырки в прохудившихся за время войны карманах.

В Советском Союзе подсчитывали страшные потери. Было разрушено 1710 городов и посёлков, 70 тысяч сёл и деревень, 32 тысячи промышленных предприятий.

Погибло...

Впрочем, сколько советских людей погибло в ходе той войны, не договорятся по сей день. Общая цифра колеблется от 20 «хрущёвских» миллионов до 27 миллионов «горбачёвских» и чуть ли не 50 миллионов «демократических».

При этом даже «горбачёвская» цифра, как мне представляется, является одним из перестроечных мифов, а близка к истине та классическая цифра в двадцать миллионов, которую назвал ещё Сталин. Ему не было никакой нужды преуменьшать масштабы потерь и разрушений.

К чему?

Если бы число погибших составило даже тридцать миллионов, народ поставил бы их в вину не Сталину (его вины в том и не было, хотя это – отдельный разговор) и Советской власти, а Гитлеру.

Сталину было, напротив, *выгодно* – да простится мне это неуместное здесь слово – максимально зависить масштабы потерь и утрат СССР. Выгодно, если бы Сталин был политика-ном. Однако он был человеком не только великого ума, но и великой души и поэтому считал для себя единственно возможным вариантом правду.

«Да была б она погуше, как бы ни была горька», – как сказал поэт Твардовский.

Год Победы заканчивался...

На развалины городов, сёл и деревень Великороссии, Украины и Белоруссии во второй раз за 1945 год ложился снег, теперь уже – осенний. На бывшей оккупированной территории СССР жизнь в 1945 году ещё не кипела – очень уж свежа и страшна была здесь разруха.

Жизнь здесь пока скорее теплилась.

Стране ещё предстояло пережить голодный 1946 год и скудный 1947 год, но, перелистывая сегодня старый предновогодний номер «Огонька» за декабрь 1947 года, видишь, что к концу уже этого года плоды Победы 1945 года были налицо.

Страна уже жила и улыбалась.

Однако и в 1945 году всем здоровым силам в СССР было ясно, что так и будет, потому что в этом году Россия добилась выдающегося успеха в своей бурной истории – Мир победил Войну.

И 1945 год открывал для Мира самые широкие перспективы. Жаль, что 1991 год и все последующие годы перечеркнули их, заменяя правду ложью и подлыми мифами.

Скрытая правда 1945 года

КАЗАЛОСЬ бы, сегодня нет нужды прятать правду о 1945 году. Правда 45-го – это, как уже было сказано, не правда 41-го... В 1945 году произошло много такого, чем мы имеем полное право гордиться, и очень немного такого, о чём упоминать стыдно.

В этом году мы наступали, мы победили, мы наращивали свой авторитет и окончательно становились второй мировой державой, имея обоснованные виды на будущее первенство.

Именно на первенство! А почему бы и нет? Да, Америка была богата и мощна. Однако уже тогда её мощь оказывалась результатом не только усилий талантливого – тогда – американского народа, но и результатом усиливающегося паразитирования США на остальном мире. Паразитирования, в том числе, на чужом интеллекте за счёт организованной мировой «утечки мозгов» из различных стран в Америку.

А мы жили своими мозгами! И неплохо – тогда – ими шевелили.

Общее мировое развитие и развитие антиимпериалистических тенденций в мире неизбежно ослабляло бы США, зато усиливало бы наше влияние – в том числе и экономическое, потому что послевоенный СССР представлял из себя привлекательный и гигантский рынок для всех видов товаров, начиная с оборудования тяжёлой индустрии и заканчивая экзотическими бананами.

И все эти вполне реальные перспективы имели своим истоком Победу 9 мая 1945 года. Авторитет СССР рос и рос!

Так чего здесь стыдиться? Что скрывать? На какой базе создавать мифы?

Тем не менее, с некоторого, вполне определённого момента начала складываться парадоксальная ситуация: чем дальше от Дня Победы – от 9 мая 1945 года, – тем всё более и более затеняется и скрывается *главная* правда о Победе 1945 года.

Исходной точкой для процесса сокрытия этой правды стала горбачёвская «катастрофка», а последующими реперными точками – правление Ельцина и последующих ельциноидов.

В итоге сегодня, несмотря на обилие рассекреченных фактов, документальных (в основном, правда, якобы документальных) фильмов, воспоминаний оставшихся в живых ветеранов, несмотря на обильный поток книг, статей и материалов Интернета, главная правда о Победе 1945 года почти исчезла из массового общественного сознания средних и даже старших поколений.

Что уж говорить о молодых поколениях, некритически пьющих грязную ложь из пропагандистских «луж», вытоптаных разного рода *копытами* на дороге к правде?

Причина возрастающего сокрытия правды о Победе 1945 года заключается не в архивных ограничениях или в трудностях понимания этой правды. Основная причина – в ином. Ведь главная правда о Победе 1945 года проста и до августа 1991 года (точнее – до марта 1985 года, в котором к власти в СССР привели «лучшего немца» Горбачёва) была общедоступной и общеизвестной.

Эта правда была вполне открытой, её сообщали в средней и даже в начальной школе всем гражданам Советского Союза. Её доводили до массового сознания так широко, что она стала даже надоедать и казаться чем-то скучным – вроде всем давно и хорошо известной, но такой неинтересной таблицы умножения.

Вот эта, ныне скрываемая, правда – по пунктам.

1) Победу в Великой Отечественной войне одержала не Российская Федерация и даже не Советская Россия, а великий многонациональный Союз Советских Социалистических Республик.

2) Вся страна стала единым военным лагерем, жившим под лозунгом: «Всё для фронта, всё для Победы».

3) Народы СССР в этой войне на фронте и в тылу вело к Победе 1945 года не просто государственное руководство, а *социалистическое* государственное руководство во главе со Всесоюзной Коммунистической партией (большевиков). Коммунисты были основной силой Действующей Армии, и миллионы их погибли смертью храбрых в боях за свободу и независимость нашей Родины, за Победу 1945 года.

4) Победа 1945 года была также обусловлена тем, что во главе Государственного Комитета Оборона, Центрального Комитета ВКП(б), Совета Народных Комиссаров СССР и Красной Армии стоял политический и государственный гений – Иосиф Виссарионович Сталин.

5) Победа 1945 года стала возможной только потому, что Советская власть и социалистический строй сумели раскрыть с невиданной ранее полнотой творческие силы народной массы.

6) Красная Армия в 1945 году представляла собой в целом блестящий, слаженный, отлично действующий механизм, работой которого умело управляло командование всех степеней и прежде всего – высшее командование и Ставка Верховного Главнокомандующего.

Можно было бы и продолжить, но, думаю, достаточно.

Вот она – скрытая правда о Победе 1945 года. Скрытая не архивами, а скрытая нынешней властью и «демократами» всех цветов – триколорных, «жовто-блакитных», «оранжевых» и серо-буро-малиновых.

Понимаю, что любители дешёвых и лживых «сенсаций» или «крутых» «откровений» этой правдой будут, весьма вероятно, разочарованы. Но что делать – истина «дважды два – четыре» хотя и относится к скучным, не может быть заменена на псевдоистину резунов. Это у них «дважды два» равняется не то что пяти или там – семи, а вообще тому, что от них требуется.

Если кто-то желает постигать исторические истины по резуновским и прочим подобным «таблицам» *«умножения»*, я ему препятствовать не могу. Но и помочь, пардон, не в силах. Как говорил незабвенный «Лёлик»-Папанов: «Если человек идиот, то это – надолго».

Однако мне почему-то кажется, что будущее – не за идиотами, как бы их в нынешней «России» усиленно ни размножали.

Пока же ещё в ходу вполне определённый набор гнусных мифов о нашей Победе, относящихся как ко всей войне, так и к её завершающему этапу в 1945 году.

Вот некоторые из этих мифов:

- Сталин в 1945 году завалил немцев трупами.
- Победил не советский солдат, а русский солдат.
- Даже русский солдат не победил, потому что до самого конца войны воевал не умением, а числом и матом.
- Русские были жестоки и получили репутацию не освободителей, а насильников и мародёров.
- Красноармейцы ненавидели Сталина и не уважали своих командиров, которых и уважать-то было не за что.
- Из-за Сталина утонуло в крови Варшавское восстание и была разрушена Варшава.
- Войну выиграла не русские, а союзники.
- Главной ошибкой Сталина была та, что он показал Европе Ивана, а Ивану – Европу.

Какие-то из подобных мифов имеют очень давнее происхождение и запускались в оборот как западными советологами, так и ренегатами типа чеченца Авторханова – прямого сотрудника нацистов в годы войны, потом переориентировавшегося на янки, или более молодых ренегатов типа Григория Климова.

Порой активные обожатели последнего аттестуют Григория Петровича как «блестящего советского офицера», однако не извещают публику, что этот «блестящий» 1918 (!) года рожде-

ния до конца 1943 (!) года отсиживался, используя «бронь», в московской аспирантуре Энергетического института в то время, как мальчишки 1923 года рождения гибли под Минском, Киевом, в Одессе и Севастополе, в Сталинграде, на Курской дуге и опять под Киевом...

Они гибли, а блестящий аспирант щупал (пардон за прямоту) студенток и аспиранток, пользуясь военным дефицитом того, что лично у него «в штанах» имелось.

Осенью 1943 года «бронь» сняли, и Климов какое-то время повоевал, был ранен, награждён. Но и тут ему повезло – из фронтового ОПРОСа (отдельного полка резерва офицерского состава) он, благодаря отличному знанию языков, попал не вновь в окопы, а в Военно-дипломатическую академию Генштаба. Окончив её, получил майорские «крылья холопа» – так в *его* среде называли офицерские погоны. Думаю, фронтовики, зарабатывавшие эти погоны потом и кровью, за одни эти слова не подали бы тогда ему руки.

А может, и «шлёпнули» бы.

Направленный в аппарат оккупационной Советской военной администрации в Германии, Климов через пару лет сбежал в американскую зону Германии, откуда его взяли в США для работы в закрытых проектах разрушения его Родины. Проработав там добрых пять лет, он переквалифицировался в «разоблачителя» «Гарвардского проекта», но так и остался антисоветчиком и перебежчиком, то есть – предателем.

На Западе Климов дебютировал книгой «Берлинский Кремль», которая сама по себе – сплошной миф. В обширной обойме крупных антисоветских трудов вряд ли можно найти более яркий образец тотального и злостного мифотворчества, где реально бывшее превратно интерпретируется и обильно поливается «чернухой», почерпнутой из подвалов души мифотворца. Тут Климов переплёвывает даже Авторханова и Солженицына.

Вот почему в своей книге о мифах 45-го года я приведу несколько показательных цитат из «Берлинского Кремля», начав со следующей:

«Если какой-нибудь немец подойдёт к советскому солдату и попытается ему сказать: «Иван – шлехт» (shlecht – «плохой»), солдат без разговоров даст ему в зубы. Если этот же немец будет ругать последними словами Сталина, советскую власть и коммунизм, то солдат наверняка отдаст ему свои последние папиросы. Это автоматическая реакция...»

Раздумывая, как бы поубедительнее доказать читателю всю *гнизность* этого заявления Климова, я в конце концов решил просто прибегнуть к встречному цитированию одного из западных авторов.

Оценки немецкого генерал-майора Фридриха Вильгельма фон Меллентина я приводил уже не раз, однако надеюсь, что те, кто знаком с ними по моим предыдущим книгам или по первоисточнику, простят меня. Очень уж они бьют по мифу Климова не в бровь, а в зубы!

Танкист Меллентин воевал в Польше, во Франции, на Балканах, в Африке, на Восточном фронте, затем опять во Франции, в Бельгии – в Арденнах (о них мы ещё поговорим) и, под самый конец, в самой Германии, закончив войну начальником штаба 5-й танковой армии.

В 1956 году в Лондоне вышла его книга «Panzer battles 1939–1945», изданная у нас в 1957 году («Танковые сражения 1939–1945»), где он писал:

«Русский солдат любит свою «матушку Россию», и поэтому он дерётся за коммунистический режим, хотя, вообще говоря, он не является политическим фанатиком. Однако следует учитывать, что партия и её органы обладают в Красной Армии огромным влиянием. Почти все комиссары являются жителями городов и выходцами из рабочего класса. Их отвага граничит с безрассудством; это люди очень умные и решительные. Им удалось создать в русской армии то, чего ей не доставало в Первую мировую войну – железную дисциплину... Дисциплина – главный козырь коммунизма, движущая сила

армии. Она также явилась решающим фактором и в достижении огромных политических и военных успехов Сталина...

...Умелая и настойчивая работа коммунистов привела к тому, что с 1917 года Россия изменилась самым удивительным образом. Не может быть сомнений, что у русского всё больше развивается навык самостоятельных действий, а уровень его образования постоянно растёт...»

Одно это мнение убеждённого и заслуженного антисоветчика и антикоммуниста разбивает миф Климова и климовых, как бетонобойный снаряд – халтурно сляпанную бетонную стену.

А правда о 45-м годе?

Что ж, сегодня – под фарисейские официальные славословия двуглавых ельциноидов – сама наша Победа стала для молодых поколений категорией спорной.

Молодые спорят – была ли Победа, нужна ли была эта Победа?

А самые молодые уже даже не спорят, фактически равнодушные и к прошлому, и к настоящему, и к будущему.

Поколения, сделавшие 1945 год для Советского Союза победным, почти полностью ушли из жизни, а те немногие, кто ещё жив, уже, как правило, не находят моральных и физических сил для того, чтобы отмежеваться от лицемерных «торжеств» власти и стукнуть кулаком по столу в преддверии очередного юбилея Победы, незаконно взятого в *среднесрочную аренду* нынешним Кремлём.

Тотальная социальная шизофрения нынешней «России» проявляется и в том, что разрушители великой державы произносят речи о величии Победы, антисоветчики выпускают плакаты, где изображён орден Победы с гордыми буквами «СССР» на нём, а зажавшиеся муниципальные воры-«властители» в день 9 мая напропалую угощают всех, включая мальчишек, «фронтowymi» ста граммами – отнюдь, к слову, не такими уж на фронте в любой день обязательными.

Фронтвики ушли в землю, их внукам и правнукам вместо правды о войне средства массовой информации и официальные власти «скармливают» в лучшем случае полуправду, а чаще – откровенную ложь.

Но стержень правды о войне и о её завершающем, победном, 1945 годе так же остёр, как шило.

А шило, как известно, в мешке не утаишь.

Даже если этот «мешок» сработан в Кремле – хоть «Берлинском» в исполнении предателя-перебежчика Климова, хоть в Московском образца 2000-х годов XXI века.

О якобы слабой и деморализованной Германии образца 1945 года и ударе в Арденнах

СЧИТАЕТСЯ, что к началу 1945 года Германия была уже настолько ослаблена, что не то что о её победе в той войне, но даже о почётном мире и речи быть не могло. Тем более что англосаксы (не Сталин, к слову), порывшись в анналах своей истории, вытащили оттуда и запустили в оборот давний термин «безоговорочная капитуляция», сделав её *condicio sine qua non* (непрерывным условием) окончания войны с Рейхом.

Рейх действительно со второй половины 1944 года стал ощутимо слабеть – сказывались напряжение войны, потеря многих завоёванных регионов с их экономикой, нехватка сырья и энергоносителей, а также – не в решающей степени – нарастающие стратегические бомбардировки территории Германии союзниками.

Промышленное производство начало снижаться, резервы истощались.

Однако Рейх был настолько силен даже в 1945 году, что такой крупный военный деятель союзников, как генерал Паттон, мог записать в своём дневнике...

Впрочем, об этом – чуть позже.

А сейчас – об ударе вермахта по союзникам на рубеже 1944 и 1945 годов и в начале 1945 года. Эти последние наступления немцев на Западе сегодня оцениваются не очень высоко. Да и в реальном масштабе времени Черчилль – на Крымской конференции 1945 года в беседе со Сталиным – заявлял, что Гитлер-де «приготовил паутину, но забыл про паука».

Однако легко ему было так шутить 4 февраля 1945 года, когда уже более полумесяца успешно развивалось советское наступление на Востоке. С середины же последнего месяца 1944 года до середины первого месяца 1945 года союзникам было не до шуток. В декабре 1944 года они убедились в том, что Рейх ещё силен, поскольку 16 декабря началась предпоследняя наступательная операция вермахта во Второй мировой войне – Арденнская.

Последней была Балатонская операция марта 1945 года против советских войск в Венгрии, и сегодня очень поучительно сравнить ход этих двух операций, но всему – своё время. Пока – об Арденнах...

Я не пишу историю той войны. Как и мои «10 мифов о 1941 году», эта книга – не более чем очерк событий. Поэтому я не буду подробно – вслед за якобы точными классиками военной истории англичанами Лиддел Гартом и Фуллером, немцами Типпельскирхом, Меллентингом, Гудерианом, американцами Паттоном, Брэдли, Погью, французом Дарси – расписывать, как осенью 1944 года лично у Гитлера возник замысел опрокидывающего удара по союзникам, как этому якобы противился фельдмаршал Рундштедт, главнокомандующий немецкими вооружёнными силами на Западе, в обстановке какой якобы исключительной секретности готовилось немецкое наступление 16 декабря 1944 года...

Однако точным фактом является то, что это наступление оказалось для союзников действительно полностью неожиданным. Накануне его Монтгомери – английский командующий, обменивался с Эйзенхауэром – американским командующим, ехидными письмами по поводу заключённого год назад пари на пять фунтов стерлингов.

Гитлер же предъявил обоим намного более крупный счёт, получать по которому он намеревался в Антверпене. Замысел фюрера позднее оценили как авантюру, но скорее его надо оценить как смелый.

Достаточно сказать, что по свидетельству Лиддел Гарта на третий день наступления – 19 декабря немцы находились в полукилометре от огромного склада горючего около Ставло, где хранилось более 11 миллионов литров бензина.

Получи немцы этот жизненно важный для них бензин, всё могло бы пойти на Западе иначе. Ведь особых боевых качеств союзники не проявили, хотя имели преимущество во всём, и прежде всего – в авиации.

Выйдя, после высадки в июне 1944 года в Нормандии, к декабрю 1944 года на подступы к Рейну, англо-американцы далее повели себя пассивно. Можно предполагать, что они всерьёз рассчитывали или на быструю общую капитуляцию Германии, или – что более вероятно – на сепаратный мир с ней.

Конечно, отдельный сговор с немцами за спиной СССР вызвал бы в мире бурю протестов и возмущения, но боссы Запада всегда умели успокоить электоральную скотинку. Успокоили бы они её, надо полагать, и на этот раз, однако...

Однако Рейх отнюдь не собирался ещё сдаваться, и 16 декабря 1944 года фельдмаршал Рундштедт нанёс по союзникам первый неожиданно мощный удар в общем направлении на Льеж. Фронт союзников был быстро вскрыт, и немцы готовились к полной ликвидации всего его северного крыла.

Фронты – не гуси, однако на одном крыле им тоже далеко не улететь, а вермахт, разделившись с союзниками в Северной Франции и Бельгии, не обделил бы своим вниманием и южное крыло рушащегося на глазах союзного фронта.

Удар немцев был абсолютно неожиданным. Историк Джон Толанд позднее писал:

«75 тысяч американских солдат на фронте от Эхтернаха до Моншау в ночь на 16 декабря легли спать, как обычно... В этот вечер ни один из американских командующих не предполагал всерьёз о крупном немецком наступлении».

Наступательный порыв немцев – особенно частей Ваффен-СС – был очень велик. Это видно не только по стрелам наступления на картах обстановки и темпу продвижения, но и по фото– и кинодокументам того времени. Достаточно всмотреться в выражение лица молодого, однако явно опытного в воинском деле, пленённого союзниками солдата войск СС, чтобы понять – для него война не проиграна, а только начинается всерьёз, потому что этот парень черпает силу уже не в мыслях о Минске, Киеве, Москве и Ленинграде, а в понимании того, что он защищает свою собственную родину.

Союзники панически отступали. Вот картина, описанная американским журналистом Ральфом Ингерсоллом, участником и свидетелем боевых действий в Европе:

«Немецкие войска прорвали нашу линию обороны на фронте в пятьдесят миль и хлынули в этот прорыв, как вода во взорванную плотину. А от них по всем дорогам, ведущим на запад, бежали сломя голову американцы».

Однако потом всё изменилось. Улучшение погоды позволило авиации союзников наносить почти безнаказанные бомбовые удары по коммуникациям и войскам, у немцев катастрофически не хватало горючего.

Немецкое контрнаступление иссякало.

Но чтобы читателю было понятнее, как сложно постфактум понять (прошу прощения за невольный каламбур), что происходило тогда на Западном фронте, сообщу, что, по оценке штаба Эйзенхауэра, немецкие потери за время Арденнского наступления составили 220 тысяч человек, а начальник штаба Рундштедта генерал Вестфаль оценивал их после войны в 25 тысяч человек.

Ничего себе расхождение, а?

Проще обстоят дела с исходными цифрами. И они примерно таковы...

Перед началом немецкого наступления союзники имели на фронте в 640 километров 63 дивизии (из них 15 – бронетанковых), 10 тысяч танков, 8 тысяч самолётов. Плюс – резервы.

Немцы имели 73 дивизии (в том числе 11 танковых) и 3 бригады. Некомплект ряда дивизий составлял при этом 30–40 %.

В ударную группировку вермахта входили войска группы армий «Б»: 6-я танковая армия СС обергруппенфюрера СС Дитриха, 5-я танковая армия генерала Мантейфеля и 7-я армия генерала Бранденбергера.

В группировку входило около 900 танков и 800 самолётов авиационной поддержки – по данным советской «Истории Второй мировой войны». По данным же, например, англичанина Дж. Фуллера, в группировке насчитывались 1000 танков, 3000 самолётов и «много тысяч автомашин».

Как ни считай, общее соотношение сил было для немцев малоутешительным. Тем не менее, успех они иметь могли, причём – успех решающий. Впоследствии генерал Гальдер заявлял, что силы, использованные для наступления в Арденнах, «были последними грошами обнищавшего человека», но явно при этом прибеднялся.

После войны генералитет вермахта все собственные грехи свалил на Гитлера (тут немцы оказались не одинокими – советские генералы все свои грехи, особенно предвоенные и первые военные, тоже свалили с подачи Хрущёва на Сталина). Однако Гитлер вполне умел мыслить стратегически и в 1945 году.

Скажем, танковый генерал Меллентин, уже мной упоминавшийся, утверждает, что накануне нашего наступления зимой 1945 года Гудериан предупредил-де Гитлера 9 января, что «Восточный фронт напоминает карточный домик», но Гитлер-де «упрямо продолжал думать, что подготовка русских – всего лишь гигантский блеф».

На самом деле гигантским генеральским блефом является вышеприведённое утверждение, поскольку ещё 4 декабря 1944 года Гитлер в письме главе венгерского фашистского правительства Ференцу Салашу писал, что очень скоро резервы, имеющиеся на Западе, потребуются для переброски на Восток, так как «русские в самое ближайшее время начнут гигантское наступление против Восточной Пруссии и Верхней Силезии».

Собственно, и наступление на Западе Гитлер планировал провести до того, как возникнет необходимость в отражении наступления на Востоке, для чего понадобились бы войска, снимаемые с Западного фронта.

Однако решительного прорыва не получилось, положение стабилизировалось. Не смирившись с мыслью, что Рейху не удалось вернуть себе инициативу на Западном фронте, Гитлер санкционировал новое наступление, начавшееся 1 января 1945 года и вначале давшее вновь хорошие результаты.

На Западном фронте всё опять повисло на волоске не только для немцев, но и для союзников. В подтверждение сказанного я приведу лишь один, но красноречивый факт. 4 января 1945 года командующий 3-й американской армией генерал Джордж Паттон записал в своём дневнике:

«Мы ещё можем проиграть эту войну».

Тогда-то Черчилль и обратился к Сталину, фактически умоляя его ускорить советское наступление. 6 января 1945 года английский премьер направил «маршалу Сталину» следующее послание:

«На Западе идут очень тяжёлые бои, и в любое время от Верховного Командования могут потребоваться большие решения. Вы сами знаете по Вашему собственному опыту, насколько тревожным является положение, когда приходится защищать очень широкий фронт после временной утери инициативы. Генералу Эйзенхауэру очень желательно и необходимо знать в общих чертах, что Вы предполагаете делать, так как это, конечно, отразится на всех его и наших важнейших решениях. Согласно полученному сообщению, наш эмиссар главный маршал авиации Теддер вчера вечером находился в

Каире, будучи связанным погодой. Его поездка сильно затянулась не по Вашей вине. Если он ещё не прибыл к Вам, я буду благодарен, если Вы сможете сообщить мне, можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление в районе Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января и в любые другие моменты, о которых Вы, возможно, пожелаете упомянуть. Я никому не буду передавать этой весьма секретной информации, за исключением фельдмаршала Брука и генерала Эйзенхауэра, причём лишь при условии сохранения её в строжайшей тайне. Я считаю дело срочным».

Сталин, получив эту просьбу о помощи, отчаянность которой была лишь слабо завуалирована сухостью изложения, 7 января 1945 года ответил так:

«К сожалению, главный маршал авиации г-н Теддер ещё не прибыл в Москву.

Очень важно использовать наше превосходство против немцев в артиллерии и авиации. В этих видах требуется ясная погода для авиации и отсутствие низких туманов, мешающих артиллерии вести прицельный огонь. Мы готовимся к наступлению, но погода сейчас не благоприятствует нашему наступлению. Однако, учитывая положение наших союзников на Западном фронте, Ставка Верховного Главнокомандования решила усиленным темпом закончить подготовку и, не считаясь с погодой, открыть широкие наступательные действия против немцев по всему центральному фронту не позже второй половины января. Можете не сомневаться, что мы сделаем всё, что только возможно сделать для того, чтобы оказать содействие нашим славным союзным войскам».

В некотором смысле зимой 1945 года повторялась ситуация 1914 года, когда кровью наступления русской армии Самсонова был обеспечен успех союзников во Франции. Теперь, конечно, всё было иначе – наступать мы вскоре собирались и так. Но бритты и янки считали возможным – *для себя* – наступать лишь тогда, «когда будет пришита последняя пуговица к мундиру последнего солдата». А ведь и русским тоже не помешали бы те неделя-другая, которые оставались до начала нашего *всесторонне подготовленного* наступления на Западе с общим направлением на Берлин.

Однако пришлось начинать наступать – от Балтики до Карпат – раньше, чем намечалось. Надо было спасать союзников от угрозы Дюнкерка.

И наше наступление действительно спасло союзников от катастрофы. 12 января 1945 года началась Висло-Одерская операция, и в тот же день немцы были вынуждены прекратить наступление и перебросить на Восток 5-ю и 6-ю танковые армии. Позднее 6-я танковая армия будет играть роль тарана на Балатоне, но там ей, что называется, «не обломилось».

Противник был не тот.

В этой книге я не раз буду обращаться к докладу заместителя начальника Генерального штаба Красной Армии генерала армии Антонова, который он сделал 4 февраля 1945 года для участников Крымской (Ялтинской) конференции. Говоря о ходе советского наступления, он тогда сказал:

«Вследствие неблагоприятных погодных условий предполагалось эту операцию начать в конце января, когда ожидалось улучшение погоды.

Поскольку операция эта рассматривалась и подготавливалась как операция с решительными целями, то хотелось провести её в более благоприятных условиях.

Однако ввиду тревожного положения, создавшегося в связи с наступлением немцев в Арденнах, Верховное командование советских войск

дало приказ начать наступление не позже середины января, не ожидая улучшения погоды.

<...>

Наступление было начато в крайне неблагоприятных условиях... что совершенно исключало работу авиации...»

Антонов тогда прибавил, что артиллерийское наблюдение ограничивалось сотней метров. А ведь мы сосредоточили в полосе прорыва огромное количество артиллерии крупного калибра и точность стрельбы была очень важна.

Так или иначе, ко времени февральского доклада Антонова успех был достигнут. Но уже 15 января 1945 года Сталин писал Рузвельту:

«После четырёх дней наступательных операций на советско-германском фронте я имею теперь возможность сообщить Вам, что, несмотря на неблагоприятную погоду, наступление советских войск развивается удовлетворительно. Весь центральный фронт, от Карпат до Балтийского моря, находится в движении на запад. Хотя немцы отчаянно сопротивляются, они всё же вынуждены отступать. Не сомневаюсь, что немцам придётся разбросать свои резервы между двумя фронтами, в результате чего они будут вынуждены отказаться от наступления на западном фронте...»

Что касается советских войск, то можете не сомневаться, что они, несмотря на имеющиеся трудности, сделают всё возможное для того, чтобы предпринятый ими удар по немцам оказался максимально эффективным».

На Крымской конференции в феврале 1945 года Черчилль выразил «глубокую благодарность и восхищение той мощью, которая была продемонстрирована Красной Армией в её наступлении».

Сталин в ответ сказал, что «зимнее наступление Красной Армии, за которое Черчилль выразил благодарность, было выполнением товарищеского долга». Он также заметил, что «согласно решениям, принятым на Тегеранской конференции, Советское правительство не обязано было предпринимать зимнее наступление».

Сегодня это тоже забыто или сознательно заслонено злостными и злобными мифами о Сталине и о сути и значении действий Красной Армии в 1945 году и вообще в той войне. **Но это было**, и я в своей книге вернусь к теме благородства Сталина и ловкачества его западных партнёров ещё не раз.

Тема того стоит!

Удивительно другое... Казалось бы, ситуация вокруг «арденнского синдрома» настолько выигрышна для нас, что этот яркий пример выполнения нами своего союзнического товарищеского долга могли бы включить в СССР даже в школьные учебники истории. Однако даже в «брежневской», 70-х годов издания, академической «Истории Второй мировой войны» арденнские коллизии были описаны, как с самого начала для немцев проигрышные.

Но тогда получается, что не таким уж и значительным был факт ускорения советского зимнего наступления в 1945 году? Скромность со стороны авторов капитального советского труда странная, уходящая, впрочем, корнями ещё в хрущёвские времена, что тоже более чем странно.

Тем не менее факт остаётся фактом: в изданной в 1957 году МИДом СССР и Политиздатом «Переписке Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» отсутствуют как письмо Черчилля Сталину от 6 января 1945 года, так и ответ Сталина.

С чего бы это, господа «бойцы идеологического фронта ЦК КПСС», будущие антикоммунисты-ельциноиды?

Я понимаю, почему о значении наступления на Востоке для *спасения* фронта на Западе помалкивают Фуллер, Лиддел Гарт, Меллентин, Типпельскирх, Гудериан, Погью, Дарси и прочие западные историки.

Я понимаю, почему американский генерал Брэдли с ловкостью шулера объясняет успех советского зимнего наступления «стратегическим влиянием успеха союзников в Арденнах».

Но почему этому не дали жёсткий отпор советские военные историки? Заранее готовили позиции для получения заокеанских «тугриков» и грантов после 1991 года, что ли?

Союзники – даже оказываясь в Европе под реальными бомбами, снарядами и пулями – относились к войне скорее как к игре. Чтобы убедиться в этом, достаточно почитать мемуары их генералов. Немцы же, противостоявшие им на Западе, знали, за что воевали – за Германию. Фельдмаршал Рундштедт, вступая в должность командующего войсками на Западе, заявил, что будет бороться «за выигрыш времени для подготовки своего наступления с целью ликвидации угрозы немецкой земле».

Это – «верх» армии.

А вот её «низ», показания пленного обер-лейтенанта Эриха Лиса, командира 7-й роты 112-го моторизованного полка 20-й танковой дивизии, приведённые в информации разведывательного отдела штаба 5-й гвардейской армии 1-го Украинского фронта от 9 марта 1945 года: «Сверху нам говорят, что придёт и наше время. Будут созданы новые соединения. Эти соединения выбросят русских из Германии».

В цитируемой информации разведотдела 5-й гвардейской армии приводятся разные мнения – это был уже, как-никак, март 1945 года. И если пленный командир роты лейтенант Хольц был убеждён: «Война будет закончена в этом году нашей победой», то пленный фольксштурмист Кройс Корнел признавал: «Успехи Красной Армии... приводят солдат в ужас... Поражение Германии убивает дух немецкого солдата, в то время как русских их успехи только лишь ободряют».

Однако дух сопротивления в немцах угасал лишь постепенно. Под новый 1945 год генерал Меллентин вновь попал на фронт – командовать 9-й танковой дивизией. Позднее он писал: «В большинстве своём мои солдаты были австрийцами, и, несмотря на большие потери, их боевой дух был ещё высок».

Это австрийцы! Что уж говорить об «имперских» немцах!

По-настоящему немцы были сломлены только в самом конце апреля – сломлены не столько материально, сколько морально. На этот счёт можно приводить много доказательств, но я сошлюсь на мемуары дважды Героя Советского Союза маршала авиации Евгения Яковлевича Савицкого. Как раз в последних числах апреля 1945 года этот прославленный лётчик неожиданно получил возможность наблюдать с земли наземный же бой и даже участвовать в нём.

Вышло так... Организуя взаимодействие с танковой армией генерала Богданова, Савицкий заночевал с начальником штаба армии генералом Радзиевским в селе под Бранденбургом, и в результате им пришлось ввязаться в ночной бой нашей танковой роты с батальоном немцев.

Позднее Савицкий вспоминал:

«Втроём, с оказавшимся рядом офицером и солдатом, я поднялся на второй этаж пустого... дома. Радзиевский с двумя другими офицерами остался внизу...»

Я выбил раму прикладом. Площадь была как на ладони. Залитая желтоватым лунным светом, она превратилась в поле боя. Можно было легко отличить наших солдат от немецких. И не только по цвету формы.

Как-то иначе наши ребята вели бой, споро и деловито. Будто не со смертью поневоле в орлянку играли, а выполняли привычную, хотя и трудную работу».

Вскоре эта ратная работа должна была закончиться. Но для того чтобы это стало фактом, надо было воевать до последнего дня войны.

А порой – и после него.

На Западе об Арденнской операции написано много, но не так уж много – правдивого. И забавно, например, читать некоторые места мемуаров знаменитого Отто Скорцени, командовавшего в Арденнской операции особым подразделением «коммандос» под «маркой» 150-й танковой бригады.

Есть и более весомые, а одновременно и более забавные примеры. Так, уже после войны фельдмаршал фон Рундштедт, оправдывая свой провал в Арденнах, заявил английскому военному историку Лиддел Гарту, что во время Арденнского наступления «единственными войсками, которыми ему (*Рундштедту*. – С.К.) было разрешено распоряжаться, была охрана, стоящая против его штаба».

Оказывается, не только гоголевская унтер-офицерская вдова могла сама себя высечь, но и германские фельдмаршалы на такое горазды! Ведь если дела обстояли так, как описал Рундштедт, то мало-мальски уважающий себя полководец должен был бы поблагодарить фюрера за почётное предложение принять командование войсками на Западе, но категорически отказаться от подобной «высокой чести», превращающей боевого генерала в «свадебного».

Реально же и в конце 1944 года, и в начале 1945 года на Западном фронте командовали и распоряжались германские генералы, не утратившие ни полноты власти, ни способности выигрывать – при везении – битвы.

На рубеже 1944 и 1945 годов многие генералы Западного фронта, а также их подчинённые не утратили ещё и веры в то, что они способны выиграть войну или, по крайней мере, удержать ситуацию от катастрофы.

Лишь когда это не удалось, начались послевоенные генеральские и фельдмаршальские, пардон, *побрежушки* типа той, о которой рассказано выше.

Об экономике Рейха, якобы разгромленной союзниками с воздуха

БЫВШИЙ министр вооружений Третьего рейха, бывший любимец Гитлера, Шпеер сумел быстро «денацифицироваться». Поэтому в своих мемуарах он порой просто клеветает на бывшего «шефа», например, отказывая ему в чувстве юмора.

В мемуарах Шпеер настойчиво пытался выпятить и свою роль «спасителя Германии» от якобы обуявшей фюрера страсти к тотальному разрушению экономики Рейха. Однако знакомство с подлинным положением вещей позволяет предполагать, что Шпеер слишком уж многое валил со своей больной головы на мертвую голову фюрера. Благо тому было уже всё равно, а Шпееру надо было уходить от петли...

Миф о жёстком приказе Гитлера уничтожать всё и вся расходится и с идеями завещания Гитлера, подлинность которого не оспаривается и в котором Гитлер ориентирует германский народ на продолжение «дальнейшей битвы нации» и «продолжение строительства национал-социалистического государства».

Не настолько глуп был Гитлер, чтобы не понимать, что без заводов и инфраструктуры не повоюешь и ничего не построишь. Так что вряд ли он бездумно приказывал все к чёртовой матери взрывать, взрывать и взрывать...

Тотально разрушали Германию союзники. Но разрушали они в основном города. А вот заводы...

В 1947 году на Западе вышла книга «IG FARBEN», в 1948 году изданная у нас под названием «ИГ ФАРБЕНИНДУСТРИ». Автором этой очень интересной и нестандартной книги был американский экономист и журналист Ричард Сэсюли.

Сэсюли имел после войны редкую возможность знакомства с архивами Рейха и с его экономикой. Так вот, он писал, что при условии обеспечения топливом, материалами, ремонтом и транспортом экономика Германии могла бы работать почти на 90 процентов своей максимальной мощности до конца войны.

Так каким был результат стратегических «ковровых» бомбардировок территории Германии? Разбомбленная экономика или сотни тысяч жертв гражданского населения?

Книга Сэсюли начинается так:

«Глубоко в лесах Восточной Баварии спрятали нацисты свои новейшие военные заводы. Вы можете проехать мимо них по дороге и ничего не увидеть. Можно пролететь над ними – и опять-таки ничего не увидеть, кроме густого зелёного покрова лесов.

Военные заводы отлично замаскированы... Как правило, цехи разбросаны на большой площади и соединены между собой километрами зелёных трубопроводов».

Сэсюли знал, что писал. Призванный в американскую армию, он входил в группу полковника Бернштейна, проводившую расследование деятельности германского химического концерна «ИГ Фарбениндустри». Он исколесил всю американскую, и не только американскую зону оккупации и собрал богатейший документальный материал, дополненный личными впечатлениями.

Вот конкретный пример, приводимый Сэсюли:

«На лужайке в баварском лесу стоит недостроенное здание... со сводчатой крышей – ...в длину около 800 м, в ширину у основания больше

90 м, а в высоту более 30 м. Оно предназначалось для самолётостроительного завода фирмы Мессершмитт».

Завод заглоблялся в землю, толщина купола составляла 6 метров. И это строительство, начатое лишь в августе 44-го, Рейх продолжал *до середины апреля 45-го*, когда в эту зону вошли войска Соединённых Штатов Америки.

«Большая часть немецких городов была превращена в развалины, – писал Сэюли. – В зоне, оккупированной американской армией, единственным не пострадавшим серьёзно большим городом был Гейдельберг. На первый взгляд казалось, что должны пройти десятилетия, прежде чем Германия снова станет производящей страной. При виде развалин городов нельзя было представить себе, что заводы остались нетронутыми».

Однако это было именно так. Союзники бомбили центральные районы городов – жилые. Они были меньше прикрыты силами ПВО, а главное – дома немцев не имели никакого отношения к собственности граждан США, в отличие от многих германских предприятий, которые прямо принадлежали фирмам США или в которых американский капитал преобладал.

Возможны были и иные варианты отношений и распределения собственности. Сэюли откровенно признавался:

«В больше мере, чем какой-нибудь другой концерн в мире, «ИГ Фарбениндустри» стал центром сети международных картелей, контролирующей поразительный ассортимент продукции – нефть, каучук, красители, азот, взрывчатые вещества, алюминий, никель, искусственный шёлк. Около пяти тысяч километров отделяют правление «ИГ Фарбениндустри» во Франкфурте-на-Майне в Германии от атлантического побережья Соединённых Штатов Америки, но «ИГ Фарбениндустри» мог бы много рассказать об американской военной промышленности...»

В этой ситуации далеко не всем в США требовалась лежащая в развалинах германская промышленность, особенно – тяжёлая. И эта дополнительная политическая защита в сочетании с высокой противовоздушной защищённостью военных заводов Германии обеспечивали её экономике вполне устойчивый режим деятельности, который бомбардировки сорвать не могли.

Впрочем, в США имелись влиятельные силы, желавшие не только разгрома вооружённых сил Рейха, но и разгрома его экономики, прежде всего – всё той же тяжёлой промышленности. Уже 11 мая 1945 года в Белом доме была утверждена директива объединённых начальников штабов США и Англии генералу Эйзенхауэру № 1067.

В основу директивы была положена программа американского еврея, бывшего министра финансов в правительстве Рузвельта, Генри Моргентау. А целью программы было расчленение Германии и её аграризация.

В части промышленности директива предписывала:

а) запретить и предотвратить производство чугуна и стали, химикалиев, цветных металлов, станков, радио- и электрооборудования, автомобилей, тяжёлого машинного оборудования... кроме как для целей предотвращения голода или беспорядков или болезней, могущих угрожать оккупационным войскам.

б) запретить и предотвратить восстановление предприятий и оборудования этих отраслей промышленности, кроме как для нужд оккупационных войск».

Однако людей, заинтересованных в послевоенном развитии экономики Германии – под контролем США, конечно, – было в Вашингтоне и Нью-Йорке всё-таки больше. Они и определили целеуказание для стратегической авиации США: разрушать города, но не трогать заводы. Они в итоге и взяли курс на новую промышленно развитую Германию, экономика которой к концу войны была в основном сохранена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.